

К Р О К О Д И Л

Гласит пословица: де, голь
На выдумки хитра.
На бедность выдать мне изволь
Немного серебра!

Стою я с шапкой у ворот.
Прошу мне дать заём:
Затеял я переворот
В отечестве своём.

Чтобы сыграть большую роль,
Мне нужен миллиард,
Без ваших долларов я — голь,
А с ними — бонапарт!..

С. МАРШАК

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ о разных точках зрения

МЫ проанализировали около двухсот литературных произведений самых различных жанров, посвящённых зиме. Со всей ответственностью заявляем, что девяносто три процента авторов свои поэмы, романы, повести, рассказы и особенно очерки начинали с утверждения:

— Наконец-то наступила зима!

Мы решили применить более оригинальную формулировку и поэтому говорим:

— Как будто наступила зима!

Эта осторожность с нашей стороны не случайна. Мы не желаем вступать в спор с начальником депо станции Похвистнево, Куйбышевской железной дороги, тов. Федоровским. У него по поводу наступления зимы свои собственные точки зрения, и все разные. Мы уже слышим возражения:

— Позвольте, как это можно одному и тому же человеку на один и тот же предмет иметь несколько разных точек зрения?

Оказывается, это вполне возможно. Месяц тому назад товарищ Федоровский, окинув взглядом своё личное жилище, твёрдо произнёс:

— Батюшки мои! Зима пришла, а у меня ещё окна не заклеены.

Нам опять могут возразить: зачем, дескать, о таких мелочах писать во всесоюзном журнале? Какое дело, скажем, читателю из Одессы или из Костромы до того, заклеены или не заклеены окна в квартире тов. Федоровского?

Нас этот мелкий факт заинтересовал потому, что вслед за восклицанием о приходе зимы последовали практические хозяйственные меры. Тов. Федоровский нарезал узкие полоски бумаги, заварил клейстер, сбегал к соседу за кистью... Короче говоря, окна были заклеены.

Из этого мы сделали вывод, что товарищ Федоровский придерживается совершенно правильной точки зрения на то, что с наступлением холодов тепло надо беречь.

Несколько дней спустя к нему обратились рабочие «Куйбышевгаза» и «Кинельнефти». Кто-то из них подсчитал, что в поезде, курсирующем между станциями Похвистнево и Заглядино, из ста двадцати восьми окон семьдесят пять без стёкол, а в остальных вставлена почерневшая, оставшаяся ещё с военных лет фанера.

Услышав об этом, тов. Федоровский воскликнул:

— Неужели зима!

За этим восклицанием никаких хозяйственных практических мер не последовало.

Не будем торопиться с окончательными выводами о причинах, порождающих такие противоположности, и поговорим ещё о товарище Михайлове, начальнике Молотовского областного управления связи.

Одной из замечательных черт характера Михайлова является умение быстро менять свои точки зрения. Однажды ему доложили, что небольшое подведомственное ему помещение нуждается в капитальном ремонте. Тов. Михайлов немедленно высказал в категоричной форме свою точку зрения:

— Срочно отремонтировать!

Через некоторое время ему доложили, что в другом здании, а именно на телеграфной обваливаются потолки и штукатурка падает на ценную аппаратуру.

Подчинённые пустили в ход самый веский аргумент: в служебных помещениях находятся люди, и как бы, дескать, не случилось греха.

На этот раз тов. Михайлов свою точку зрения на ремонт изложил менее категорично, но зато более пространно:

— Я думаю, можно подождать. Потерпят...

Не будем скрывать причину столь противоположных точек зрения тов. Михайлова на одно и то же явление. Тем более что были и другие аналогичные факты.

Как-то тов. Михайлову стало известно о перерасходе на клей 18 рублей 37 копеек. Тов. Михайлов, узнав об этом нарушении сметной дисциплины, сурово предупредил подчинённых:

— Смета — это закон. Чтобы в последний раз!

В скором времени в управлении допустили ещё один перерасход. Машинистке Мишиной выдали подъёмные — 2363 рубля 77 копеек. Мишина, проработав в управлении после получения подъёмных семнадцать дней, почувствовала себя нездоровой и ушла на покой. Как водится, об этом прискорбном случае доложили тов. Михайлову.

На сей раз начальник управления имел уже другую точку зрения:

— Ну что ж, смета — это не закон...

Вот теперь можно делать выводы, почему тов. Михайлов так быстро меняет свои точки зрения. Читатель, наверное, не догадался, что небольшое подведомственное тов. Михайлову помещение — его личная квартира. Из 150 тысяч рублей, отпущенных управлению на ремонт служебных помещений, 100 тысяч рублей тов. Михайлов неосторожно израсходовал на её реконструкцию.

О роли машинистки Мишиной в жизни тов. Михайлова читатель, возможно, догадался, и нам даже не приходится подтверждать, что она — супруга тов. Михайлова.

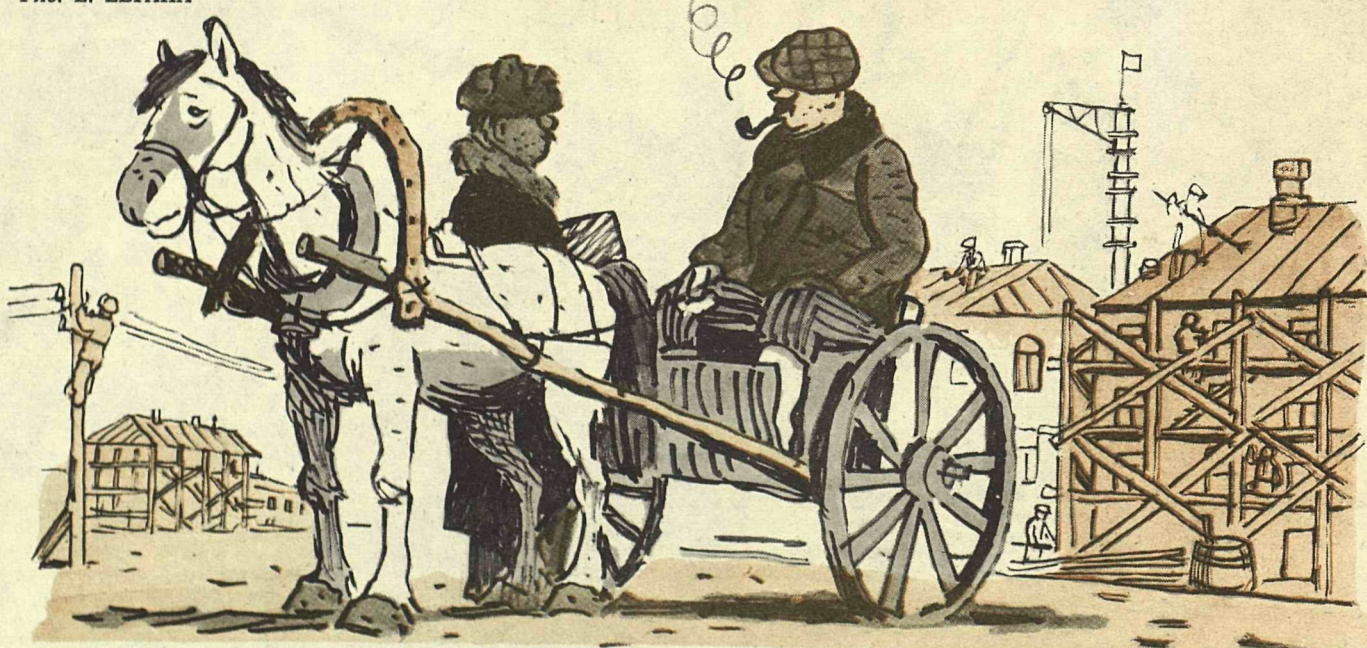
Теперь нам осталось высказаться обо всём вышеизложенном со своей точки зрения. Дать, так сказать, оценку этому явлению.

По нашему мнению, всё это... Впрочем, не будем торопиться и подождём, какой точки зрения на поведение тов. Федоровского и тов. Михайлова будут придерживаться Министерство путей сообщения и Министерство связи.

Ждём.

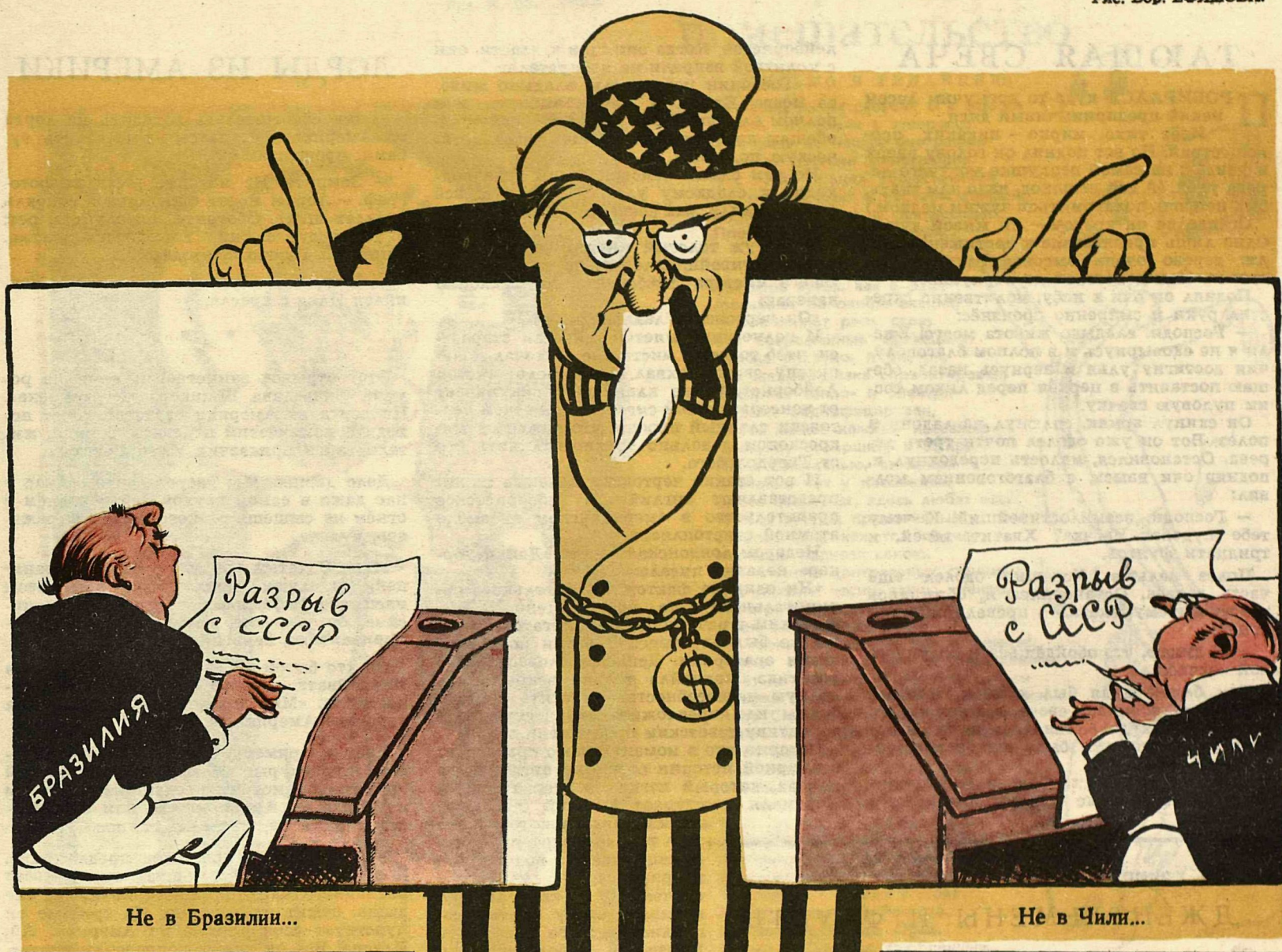
Арк. ВАСИЛЬЕВ

Рис. Е. ЕВГАНА

НЕПОНЯТЛИВЫЙ

— Не понимаю я нашего predisполкома! Надо к выборам готовиться, а он до сих пор продолжает мелочами заниматься: дома ремонтирует, свет проводит...

Американская смесь

«КОРОЛЕВА» СЭДИ ГЕРЦ

Сэди Герц считается в Америке «королевой радиовикторин». Она регулярно получает большие премии «за лучшие ответы».

Кто же такая Сэди Герц и что обеспечивает ей столь шумный успех? Глубокая начитанность? Широкие познания в области литературы, искусства и истории?

Ничего подобного. Как сообщает «Сатердэй ивнинг пост», Сэди Герц — это «60-летняя нью-йоркская домашняя хозяйка, не читающая ни газет, ни журналов, ни энциклопедических словарей, но зато обладающая особым даром: знает ли она, что сказать, или не знает, но челюсти её движутся и слова вылетают изо рта».

Ни один вопрос не может поставить втупик Сэди Герц. С одинаковым апломбом она возвещает, когда будет светопреставление, и сколько перьев на хвосте у взрослого индюка, и что сказал бы Авраам Линкольн, если б его пригласили участвовать в такой радиовикторине.

«Недавно, — с умилением пишет «Сатердэй ивнинг пост», — её спросили: «Миссис Герц, как вы определите слово «хитросплетение»? Не задумываясь, она ответила: «Это — что-то такое, что кладут в кофе для придания вкуса».

Возможно, что в один из очередных сеансов радиовикторины эту даму спросят: «Что такое культура?» Не задумываясь, она ответит: «Культура — это что-то такое приличное, из чего у нас в Америке часто делают что-то ужасно неприличное».

Ну, а в тех, что их учили.

ГОЛЛИВУДСКАЯ МУЗЫКА

Американский журнал «Эскуайр» меланхолично удостоверяет, что серьёзные, известные композиторы не находят применения своему таланту в студиях Голливуда. Музыку к фильмам там «организуют» несколько десятков дельцов — бывших оркестрантов и тапёров, возле которых кормятся на всё согласные музыкальные «негры».

— Чего изволите? Лейтмотив для нового автомобиля героини? Музыкальную характеристику очаровательных ног кинозвезды? А то можно ещё склеить подходящие кусочки из классиков: например десять тактов 5-й симфонии Бетховена с финалом «Гопака» Мусоргского. А? Прикажете? Очень здорово получится!

А главное, свидетельствует тот же «Эскуайр», от авторов музыки требуется, «чтобы литавры звучали именно тогда, когда на экране

появляется имя постановщика фильма, чтобы даже самый равнодушный зритель пробудился и узнал, кто является хозяином картины».

Впрочем, американский журнал не склонен слишком строго осуждать музыкальных дельцов из Голливуда: он уже подсчитал, что эти немолодые дарования «делают» в неделю столько долларов, сколько Бетховен или Бах не могли заработать за целый год напряжённого, творческого труда. Тем хуже, мол, для Баха и Бетховена, которые ничего не смыслили в настоящем бизнесе...

А ЧТО ПОЛУЧИТ «ДЯДЯ МАЙК»?

Таким вопросом Майкл Страусс Джекобс огорачивает каждого, кто приходит к нему с предложением устроить новую спортивную встречу на ринге.

«Дядя Майк» — крупнейший монополист в боксёрской промышленности США. Нет, мы не оговорились. Не в спорте, а именно в промышленности. Как свидетельствует журнал «Лайф», «эта отрасль промышленности, бокс, приносит 16 миллионов долларов ежегодно». А мистер Джекобс «контролирует ньюйоркский боксёрский рынок, наиболее прибыльный во всей стране».

В общем все, как говорится, получают своё: боксёры, находящиеся в кабале у «дяди Майка», получают нокауты, а «дядя Майк» — доллары. На то он и магнат американской боксёрской промышленности.

Б. ПАГИРЕВ

КОРОЧЕ ГОВОРЯ...

ТАЮЩАЯ СВЕЧА

ПРОВАЛИСЯ куда-то дремучим лесом некий предприимчивый дядя.

Идёт тихо, мирно — никаких происшествий. Но вот поднял он голову вверх и увидел: на самой верхушке могучего дерева улей. (А сей пешеход, надо вам знать, был непрочь полакомиться чужим медком.)

Огляделся он кругом — ни живой души. Одно лишь препятствие к достижению цели: дерево очень высокое, гладкое, без сучьев. Как добраться до верхушки?

Поднял он очи к небу, молитвенно скрестил руки и смиренно произнёс:

— Господи, владыко живота моего! Если я не скowyрнусь и в полном благополучии достигну улья и вернусь назад, обещаю поставить в церкви перед ликом твоим пудовую свечку.

Он скинул армяк, сплюнул на ладони и полез. Вот он уже одолел почти треть дерева. Остановился, малость передохнул и, подняв очи ввысь, с благоговением молвил:

— Господи, всемилостивейший! К чему тебе пудовая свечка? Хватит, ей-ей, и тридцати фунтов.

Полез дальше. Успешно одолел ещё часть дерева. Остановился и, обращаясь к всевышнему, сказал с превеликим смирением:

— Я думаю, что обойдётся и полупудовой свечкой...

Чем ближе дядя был к цели, тем всё меньше становилась свеча, обещанная им богу. Свеча худела, таяла, и когда он достиг улья, это уже была махонькая, тоненькая свечечка...

На этого любителя мёда сильно смахивают благочестивые лидеры английских

лейбористов. Когда они шли к власти, они с молитвой взирали на избирателя:

— Господин избиратель, владыко живота моего! Если я не скowyрнусь и в полном благополучии достигну верхушки, обещаю проводить неуклонно социалистическую политику.

Но чем ближе лейбористский дядя подходил к сладкому улью власти, тем всё больше таяла, как свеча, все его обещания и посулы.

И вот уж толстый мистер Твердолобый всемилостивейше хлопает по плечу полнеющего мистера Лейбориста, благосклонно напевая:

«Он чертовски славный парень!»

И полнеющий мистер всячески старается, чтоб толстый мистер не расточал понапрасну своих похвал. То и дело мистер Лейборист, низко кланяясь, прикуривает от консервативной сигары, и он такой чертовски славный парень, что даже под микроскопом довольно трудно отличить его от Твердолобого.

И вот этикие чертовски славные парни представляют английское лейбористское правительство в американском ансамбле атомной свистопляски.

Недаром лондонская газета «Дейли-уоркер» недавно писала:

«Ни один из фактов внушительного обвинительного акта, представленного Вышинским, в речи против поджигателей войны не был опровергнут всеми последующими ораторами. Дешёвая словесная акробатика Макнейла только вскрыла его полную неспособность ответить на эти факты или предложить творческую альтернативу советским предложениям.

Позорно, что в момент такого кризиса во всемирной истории от имени английского народа, который изгнал консерваторов и Черчилля, выступает бывший бивербрукский писака, который может только выразить бес-

принципное подчинение американскому монополистическому капитализму, изливать злобу против социалистического Советского Союза и раболопствовать перед лидером консерваторов Черчиллем».

Лейбористская «пудовая свеча» всё больше уменьшается в своих размерах. Это уж тоненькая, худенькая свечечка, которая может опрокинуться даже от слабого дуновения ветра.

Недаром английские консервативные газеты с удовольствием отмечают, что лейбористское правительство собирается положить под сукно большую часть той программы, на основе которой оно было избрано:

— Молодцы ребята, ловко обманули избирателей!..

Таёт лейбористская свеча. Не потому ли на последних муниципальных выборах лейбористы потеряли 641 место, уступив их консерваторам?

Сказка о дяде с ульем кончается так. Только добрался он до улья, как сорвался и полетел вниз. Очухавшись, этот доблестный муж поднял очи к небу и обиженно сказал:

— Господи, ты шуток не понимаешь. Я же пошутил, а ты всерьёз...

Неужели и лидерам лейбористов придётся, обиженно надув губы, сказать избирателю:

— Экой ты, право. Мы же пошутили, а ты всерьёз...

ЛОРДЫ ИЗ АМЕРИКИ

— Мне бы хотелось походить на лорда из Америки, — стараясь не шевелить губами, прошептал он.

— Замрите! Не митайте, — сказал фотограф. — Лорды носят одноглазый монокль в видах шика. Оботрите, пожалуйста, рот: в углах губ слюни. Улыбайтесь слегка. Снимаю... Готово. Благодарю.

— Мирсите, — учтиво поклонясь, поднялся Илья с кресла.

* * *

Этот отрывок заимствован нами из романа Вячеслава Шишкова «Угрюм-река». На лорда из Америки страстно хочет походить комический персонаж романа, житель тайги приказчик Илья Сохатых.

Дело давнее. Мы уверены, что сейчас у нас даже в самой глухой тайге и днём с огнём не сыщешь этакое, мягко выражаясь, чудачка.

Илья Сохатых орудует сейчас за границей. Он служит приказчиком в мировом масштабе. И фамилий у него уйма: чилийские, бразильские, австралийские, южноафриканские, бельгийские, сальвадорские.

Но кто бы он ни был — Илья Спаак или Илья Эватт, — у него одно стремление, одна мечта: «Мне хотелось бы походить на лорда из Америки...»

Идёт, к примеру, голосование по вопросам процедуры. Илюшка, услужливый приказчик, смотрит преданными глазами на лорда из Америки: «За или против, — как прикажете, а нам всё едино...»

Нужно сорвать советское предложение. Хозяин мигнул — Илюшка выхватывает из заднего кармана шпатель и, еле дыша, бежит на трибуну. На трибуне он чувствует себя лордом из Америки. Ай, Илюша! Вот он каков: поправочки вносит, как взрослый.

Хозяину потребовалось обругать советскую прессу:

— А ну-ка, Илья, покажи фасон.

— Рад стараться, благодетель.

И опять Илюша чувствует себя минут пятнадцать лордом из Америки: плетёт небылицы, сочиняет басни, самым серьёзным образом утверждает, что в Америке существует свобода печати.

— А может, хочешь, Илюша, брякнуть пару слов о принудительном труде в СССР?

— Хочу! — кричит Илюша Лоуренс из Южной Африки. — Могу обеспечить!.. Илюшка бежит к трибуне.

Вот Илья Эватт выкинул какое-то коленце, произнёс речугу. Лорд из Америки доволен. Он хлопает Илюшу по плечу:

— Старайся, парень, далеко пойдёшь.

— Мирсите, — сладко улыбаясь, говорит Илья.

А в это время расторопный американский фоторепортёр снимает Илюшку для своей газеты.

Илюша упрашивает его:

— Мне бы хотелось походить на лорда из Америки.

А тот ему в ответ:

— Замрите! И оботрите, пожалуйста, рот: в углах губ слюни...

Г. РЫКЛИН

Рис. Вор. ЕФИМОВА

ДЖЕНТЛЬМЕНЫ И ФРУКТЫ

«...На Потсдамской конференции Черчилль пытался доказывать, что Англия не может будто бы обойтись без торговли с Испанией, особенно без испанских апельсинов».

(Из выступления А. А. Громыко)

Испанский апельсин. Излюбленный фрукт английских садоводов. Не остался без ухода и после ухода Черчилля.

Блажен муж, иже не иде на Совет Безопасности, на пути мира не ста и в собрании разоружителей не седе.

Громкое помешательство

(ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ)

Мы вряд ли рассказали б в прессе
О том, что ехали в экспрессе.
Сей факт из нашей биографии
Едва ль достоин монографии,
И с точки зрения общественной
Он мелкий факт и несущественный.
Но здесь не мы, а сам экспресс
Представить может интерес.

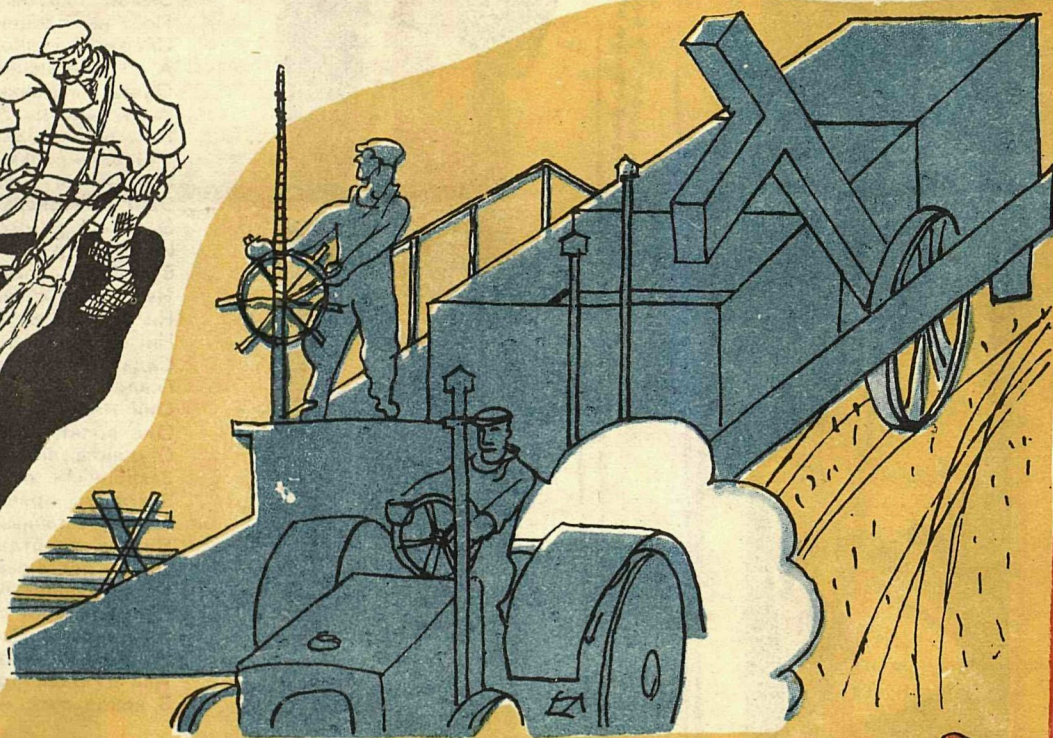
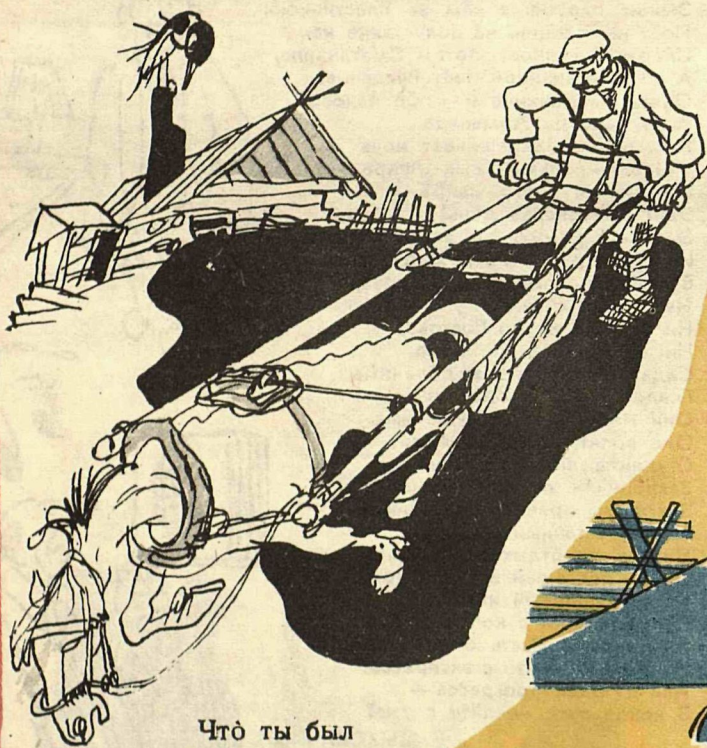
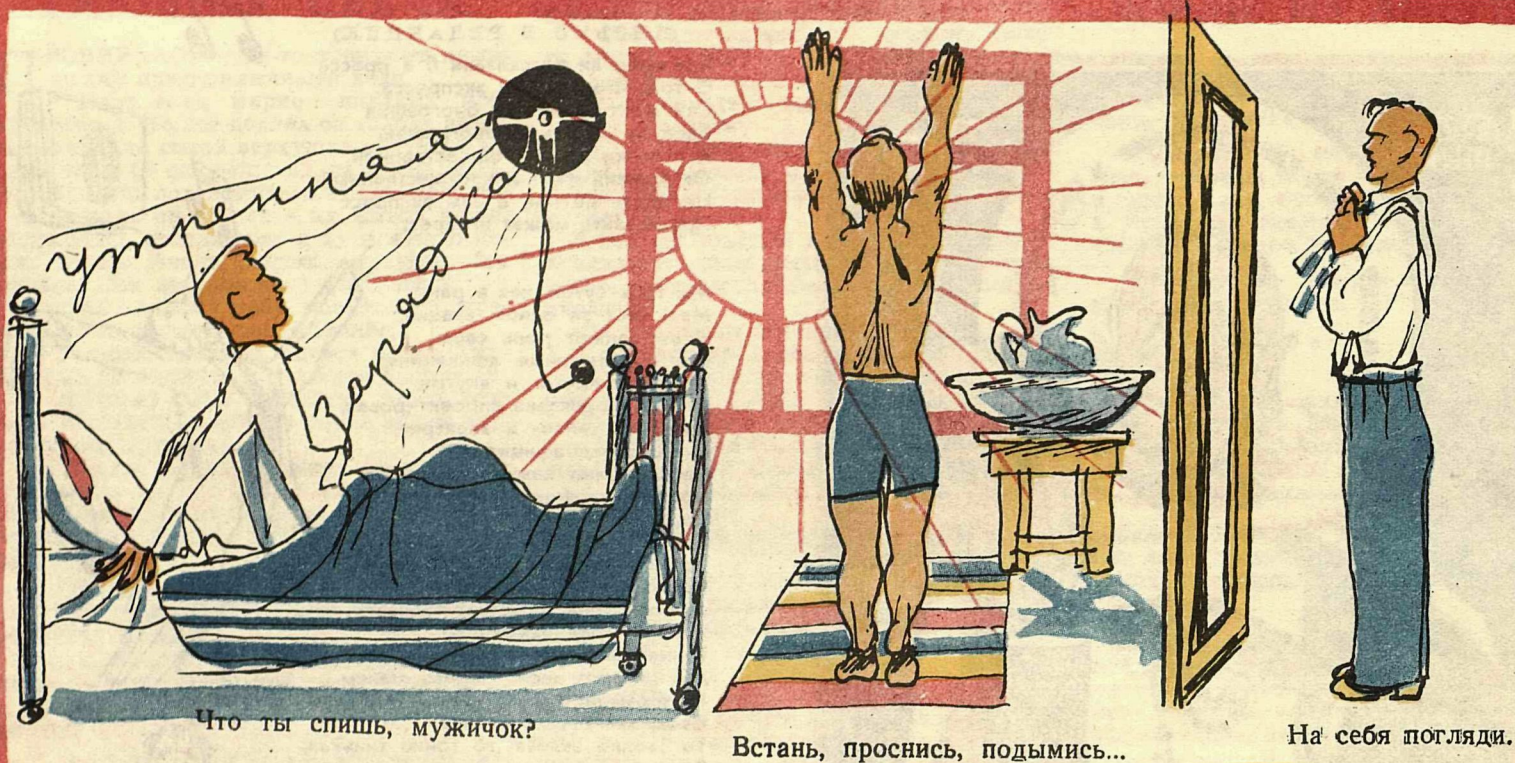
Мы трое суток, как в раю,
Мелькают за окном акации,
И выполняют роль свою
Все современные «фикации».
Красив снаружи и внутри,
Как желдорсказка спроектирован,
Экспресс тепло- и электри-
И даже радиофицирован.
Здесь может каждый пассажир
Прогулку совершить в эфир,
Но, к сожалению, от эфира
Спасенья нет у пассажира.
Здесь ценят нас, здесь любят нас,
Но мы натуры примитивные,
Любовь нам кажется подчас
Излишне радиоактивною.
То на волне центральных станций
Мы слышим песни, танцы, стансы,
То отрывает нас от сна
Своя, экспрессная волна.
То звонко звякая, то тонко тинкая,
Звенит пластинка нам за пластинкою,
Поёт на станции, на полустанке нам
Сперва Русланова, потом Сметанкина,
А за Сметанкиной поёт Русланова,
Опять Сметанкина и — обе заново!
И от Баку до Армавира
Нам пеньем скрашивает ночь
Утёсов — вольный сын эфира —
И — внучка одного эфира —
Эдит, утёсовская дочь!
Экспресс измучился, вагон качается
И только радио не выключается.
В газете не прочтёшь и слова,
Не сядешь с книгой у стола
Ни от Беслана до Ростова,
Ни от Ростова до Орла.
Сидят смущённые влюблённые,
Глядят на радио настенное —
Они молчат, как оглушённые,
Оно вопит, как оглашённое.
Студенты, видимо заочники,
Захлопнули первоисточники,
Бухгалтер прячет неизученный
И недочитанный отчёт...
Ни сна, ни отдыха измученной
Душе, попавшей в поезд тот!..
И, не лишённый интереса,
Вопрос встаёт в конце письма:
Что делать? Пусть ответит пресса:
На полпути сойти с экспресса?
Или от радиопрогресса —
В конце пути — сойти с ума?

В. ДЫХОВИЧНЫЙ,
М. СЛОБОДСКОЙ

P. S. Почти такая же картина
На теплоходе «Украина»,
Но он в дороге больше дней,
И радио на нём сильнее.
Оно гремит в каютах, либо
Затихнет всё, и грянет вдруг
На десять миль морских вокруг
Динамик главного калибра.
Всё тонет в грохоте и шуме,
Корабль весь музыкой объят.
Сам теплоход идёт в Батуми,
А в Туапсе уже не спят.
И людям это плохо, ибо
При этом гложет даже рыба.
Страдая слишком тонким слухом,
Кефаль всплывает кверху брюхом
Дельфин — и то совсем оглох,
Что ж до бычка — тот вовсе плох!
Спасти от радио могли бы,
Но включено оно навек,
И вот: где глубже, — ищет рыба,
Где тише, — ищет человек!
Пусть нам опять ответит пресса,
Самим ответа не найти —
Вот два явления прогресса —
Но на ходу сойдёшь с экспресса
А с теплохода как сойти?

В. Д.,
М. С.

Любовь и Медицина

ОНИ сидели одни у него в комнате за скромно накрытым столом.

Ваня наполнил бокалы и, ласково посмотрев на Таню, с дрожью в голосе спросил:

— За что мы выпьем?
— Выпьем за нашу любовь... За то, чтобы никогда, никогда не разлучаться, — сказала Таня и, хитро улыбаясь, подняла свой бокал.

Ваня медлил.

— Ну... что ты?

Ваня как-то странно моргнул глазом:

— Понимаешь ли... я...
— Ты против моего тоста?
— Как я могу быть против? Жизни без тебя я не мыслю... Но...

— Может быть, ты боишься так много пить? Можешь пить совершенно спокойно. С первым бокалом это будет не более, чем 250 граммов, и я уже как врач отвечаю за то, что это не отразится на твоём организме.

— Я этого и не опасуюсь, — медленно произнёс Ваня и нахмурился.

— Чего же ты опасаться? Ну! Итак, за то, чтобы никогда не разлучаться. Через неделю, самое позднее, мы поженимся и больше не будем расставаться.

Ваня с тревогой посмотрел ей в глаза:

— Видишь ли, милая... в жизни возможны такие случаи... такие, я бы сказал, стечения обстоятельств, когда... ну, как бы тебе это объяснить?..

«Не могу ей сказать! Она этого не перенесёт», — подумал он.

Таня подняла бокал.

— Я жду, Ванечка, — тихо сказала она.
— Поставь на минутку стакан. Если ты меня по-настоящему любишь, ты поймёшь... Я геолог. Мне 27 лет. Я люблю тебя, и я люблю свою специальность. У меня всю жизнь была мечта сделать одну работу... интереснейшую работу, которая может принести пользу Родине и выявить

мои способности. И вот... неожиданно мне представилась эта возможность. Танечка!.. Дорогая! Любимая моя! Я очень люблю тебя, и мы всегда будем вместе и... в общем будь что будет!.. Мне предложили поехать на два года в Арктику с экспедицией профессора Капорецкого. Там я смогу превратить в жизнь свою мечту. Ты представляешь? Вечные льды! Северное сияние!.. Белые медведи!.. Моржи!.. И я произвожу свои опыты, пишу свою работу... Но это значит... это значит, любимая, что на два года мы должны расстаться.

— Когда ты едешь?
— Завтра я должен пройти медицинскую комиссию, и через три дня мы выезжаем.

— И это всё, что ты мне хотел сказать?

— Нет. Не всё. Я ещё хотел тебе сказать, что я попрежнему тебя очень люблю, что у меня никого нет на свете дороже тебя, что жизнь без тебя я не мыслю... Родная моя! Сиянье моё... северное!

— Итак, выпьем за успех твоей работы, за твою экспедицию, — весело сказала Таня.

— Как?

— Что?

— Ты не расстроена?

— А почему я должна расстраиваться? Я рада за тебя. Ведь это сбывается твоя мечта.

— Да... Но всё-таки...

— Что «всё-таки»?

Ваня вскочил из-за стола.

— Я не понимаю, почему ты так спокойно к этому относишься... Я бы, например, на твоём месте не был бы так спокоен.

— А я спокойна. И рада. Когда у тебя комиссия?

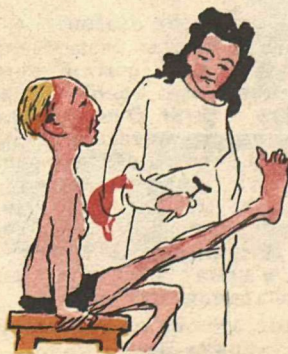
— Завтра. В двенадцать часов дня. А что?

— Нет. Ничего. Просто так.

— Только я всё-таки не понимаю, как можно относиться к этому событию так спокойно. Ты даже улыбаешься. Может быть, ты рада, что я уезжаю?

— Но ведь ты рад? Почему же и мне не радоваться?

— Очевидно, потому, что ты меня не по-настоящему любишь! Уезжаю на два года.

Это двадцать четыре месяца минимум... Арктика... Полярные ночи. Вечная мерзлота... Моржи... Мало ли что может случиться, а ты хладнокровна...

— А что я должна, по-твоему, делать?

— Ну... хотя бы умолять меня не ехать, остаться.

— А как же твоя работа?

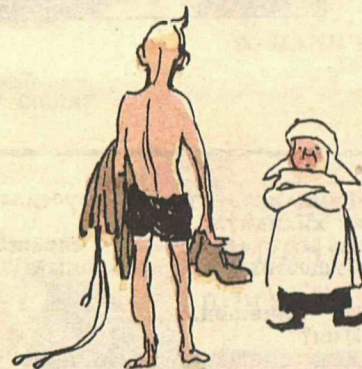
— Когда любят по-настоящему, с этим не считаются.

— Значит, ты любишь меня не по-настоящему?

— Я же грущу! Я еду, но мне грустно расставаться... Я переживаю...

— А мне за тебя радостно. Выпьем за нашу скорую встречу!

Назавтра утром Ваня явился в районную врачебную комиссию.

— Следующий! — крикнула сестра, и Ваня вошёл в кабинет.

— Разденьтесь, товарищ.

— Я на комиссию, — пробормотал Ваня. — Мне ехать в Арктику с экспедицией...

— Всем ехать в Арктику, и все раздеваются, — сказала сестра.

— Пожалуйста.

Ваня разделся, сложил все вещи на диванчике и, оставшись в одних трусах, подошёл к столу врача. Врача не было на месте.

— Татьяна Владимировна! Вас ждут, — крикнула сестра.

— Иду.

И в дверях кабинета появилась Таня в белом врачебном халате со стетоскопом в руках.

Ваня обалдело смотрел на неё.

— Вот так встреча! Вот чего уж я никак не ожидала, — тихо сказала Таня.

— Что же ты не сказала мне, что ты в этой комиссии?

— Откуда я могла знать, что ты направлен именно сюда, к нам...

— Да, это верно. Ну, чудно, что ты здесь. Прости, пожалуйста, что я в таком виде.

— Чудак! Я же врач...

— Да, это правильно.

— Я уж и сам подумываю, не гипнотизёр ли я? Как только я начинаю читать лекцию,— вся аудитория немедленно засыпает.

— Фамилия? — громко спросила Таня. Ваня хихикнул.
— Ты же знаешь. Что ты спрашиваешь?
— Существует определённый порядок.

Фамилия?

— Ну, Синицын.
— Имя?
— Даже смешно, честное слово!
— Не вижу ничего смешного.
— Ну, Иван. Иван Петрович.
— Адрес?
— Как будто ты у меня никогда не была!

— Тише!.. Подойдите сюда. Дышите... Ещё... Повернитесь...

— Спиной?
— Очевидно. Дышите глубже. Теперь не дышите. Часто жалуетесь на сердце?
— Я на него не жалуясь.
— Странно. Шумок, и притом довольно сильный. Ну, ладно. Как зрение?

— Нормальное.
— Что эта за буква?
— Где?
— Вот эта.
— Это «А».
— К сожалению, это «Б». Ясно. Сядьте. Положите ногу на ногу.

Таня взяла в руку молоточек и ударила его по коленке. Ванина нога взлетела высоко вверх.

— Ого! — сказала Таня и покачала головой.

— Чего «ого»? Тебя бы ударили так молотком, у тебя бы тоже нога скакнула, дай бог...

— Ну, достаточно, — сказала Таня. — Мне очень жаль тебя огорчать, но ты не можешь ехать. При твоём состоянии здоровья это было бы преступлением. Я вынуждена написать тебе «не годен».

— Ты сошла с ума!

— Я, как врач, обязана говорить правду.
— Татьяна! Ты же губишь меня...
— Я именно не хочу тебя губить.
— Подожди! Я умоляю, выслушай меня!..
— Я уже выслушала тебя, у тебя очень плохое сердце.

— Но ты же сама говорила, что оно у меня чудесное.

— Не в том смысле.
— Значит, я не могу ехать?
— Ни в коем случае.
— Хорошо. Но ты об этом пожалеешь!
— Тише! Ты сошёл с ума...
— Не сошёл, но сойду и сделаю это тут же, не сходя с места!

В кабинет вошёл главный врач, пожилой человек в пенсне. Он взял Ваню за руку.

— На что жалуетесь, больной?
— На неё! — крикнул Ваня. — На этого врача...

— Успокойтесь, молодой человек. Мы всё выясним. Если допущена ошибка, мы постараемся её исправить, — сказал главный врач. И он вновь подверг Ваню полному осмотру.

— Да-с. Сердечко слабенькое, лёгкие — тоже не ахти, нервы развинчены. Нужен длительный отдых, режим, систематическое лечение. Ни о какой экспедиции не может быть и речи. Очень похвально, конечно, что вы стремитесь в столь трудную поездку, но придётся с этим повременить... подлечиться... привести себя в порядок, тогда посмотрим... Вот так, молодой человек... таким образом. Вы абсолютно правы, Татьяна Владимировна. Почему вы плачете? Что с вами? Анна Францевна, дайте доктору валериановых капель.

— Значит, это она не нарочно так устроила? — вскрикнул Ваня.

— Как не стыдно тебе, — сказала Таня

сквозь слёзы. — Скандалист несчастный... Уходи... уходи отсюда...

— Ухожу. До свиданья, товарищи. И, опустив голову, не замечая никого и ничего, он направился к выходу.

* * *

И вечером того же дня, в той же комнате, за тем же столом, за той же бутылкой вина сидели Таня и Ваня.

— Ну что ж? Выпьем за то, чтобы никогда не расставаться, — мрачно сказал он.

— Понимаешь ли... я...

— Как? Ты против моего тоста?

— Что с тобой? Как я могу быть против?

Я ведь люблю тебя... Но...

— Какие теперь могут быть «но»? Теперь никаких «но» не может быть. Мы с тобой поженимся и никогда не будем расставаться.

— Видишь ли, дорогой... в жизни возможны такие случаи... такие стечения обстоятельств, когда... как бы тебе это объяснить?

— Давай сперва выпьем, а потом ты мне объяснишь.

— Я хочу сперва объяснить. Бывают такие ситуации...

«Нет. Не могу ему сказать. Он не перенесёт этого», — подумала Таня.

— Я жду, Таня...

Ваня поднял бокал.

— Поставь на минутку бокал. Если ты меня по-настоящему любишь, ты поймёшь. Мы не можем быть вместе. Ещё неделю назад, узнав о том, что ты собираешься ехать в Арктику с экспедицией профессора Капорецкого, я добилась того, что меня как врача включили в состав этой экспедиции... Я хотела сделать тебе сюрприз...

— Спасибо, — сказал Ваня и сел.

ТРИ ПРИЯТНЫХ СЛУХА

В НАЧАЛЕ минувшего лета по Красноярской железной дороге пронеслись три приятных слуха:

1) будто в Министерстве путей сообщения окончательно проработан, заострѣн и поднят на принципиальную высоту вопрос об улучшении бытовых условий паровозных машинистов,

2) будто в связи с этим самым уже составляется типовый проект индивидуальных жилых домов, в которых машинисты очень скоро смогут праздновать новоселье, и

3) будто бы составителям проекта даже строго-настроено предписано: приложить все свои архитектурные таланты, чтобы вышеупомянутые дома-коттеджи были красивыми, культурными и благоустроенными.

Приятный слух вскоре подтвердился. Однажды летом, когда природа ласково улыбалась всем тварям земным, из ворот депо станции Боготол торжественно вышла целая процессия и направила свои стопы за город, в степь, в сиянье голубого дня. Впереди размахисто шагала начальник отделения дороги тов. Шестаков. За ним следовали другие должностные лица — почти весь состав руководства железнодорожного узла. Процессию замыкали четыре знатных машиниста дороги: тт. Юшко, Нартышев, Татауров, Чекменев — строительная бригада.

— Сейчас мы подыщем, — приговаривал на ходу начальник отделения. — Сейчас мы им выберем... Как это поѣтся в известном произведении: «Вижу я трам-там тинистое местечко... Под горой ти-рири маленькая речка...» А ну-ка, пожалуйста сюда!

Процессия сделала ещё несколько шагов и остановилась в чистом поле, около большого, глубокого оврага.

— Здесь будем строить! — звучным голосом произнёс начальник отделения. — Лучше этого места не найти. Лоно природы, все условия для здоровья и индивидуального огородничества. Здесь!

— Я извиняюсь, товарищ начальник, — робко промолвил какой-то рабочий из строительной бригады. — Почва тут уж больно неподходящая. Топкая, — прямо, извините за выражение, кисель.

— Пустяки! — авторитетно сказал начальник отделения. — Высохнет. А ну-ка, товарищ Воронцов, обрисуйте товарищам машинистам в конкретных чертах будущее.

Начальник строительного участка картинно припал на одно колено, на другом, согнутом, разложил министерский типовый проект и, плавно чертя рукой по воздуху, стал описывать кандидатам в новосёлы внешность и внутренность их будущих семейных гнёзд.

— Очень симпатично получается, — сказал знатный машинист Василий Иванович Юшко. — Я прямо зрительно представляю себе и фасад, и комнаты, и кухню с русской печью. Да, кстати! А где, разрешите спросить, предполагается устроить погреб для хранения продуктов?

— Погреб? — удивлённо сказал начальник строительного участка. — М-да, действительно, погреб... Погреб проектом не предусмотрен.

— Опять же насчёт воды, — сказал другой машинист, — насчёт колодца то есть...

— Колодец... — задумчиво повторил участковый строитель. — Оно, конечно, как это говорится: потому что без воды ни туды и ни сюды... Нет, колодец проектом не предусмотрен.

— А уборная? А стойла для коров? А заборы?

Наступило тягостное молчание, нарушаемое только звоном кузнечиков и отдалёнными паровозными гудками.

— Д-да, — произнёс наконец начальник отделения, и по тону его было непонятно, осуждает ли он недомыслие министерских зодчих или дотошность уважаемых машинистов, прицепившихся к таким пустякам, как вода, уборные и прочие коммунальные услуги. — Придётся тово... произвести дополнительные работы. Учтите, товарищ Воронцов. И приступайте немедленно.

...В погожий летний день, когда в улыбке природы уже появилась прозрачная грусть близкого увядания, из ворот Боготольского депо торжественно вышла целая процессия и направила за город, в степь, к чистеньким, новорожденным коттеджам.

— Мило, очень мило! — говорил начальник отделения тов. Шестаков, осматривая просторные, светлые комнаты и двориковые постройки. — Сейчас, товарищи машинисты, подпишем акт приёмки — и, пожалуйста, въезжайте, живите на здоровье. Поздравляем вас с новосельем, наши знатные товарищи машинисты!

Василий Иванович Юшко и его сослуживцы горячо пожали руку заботливому начальству и стали обживать свои новые индивидуальные дома.

Прошли первые дни чистых и безоблачных радостей новоселья, а потом знатные машинисты и их домочадцы стали заметно скисать. Мрачные чудеса творились в квартирах.

По ночам спящих тревожили какие-то противные шорохи, что-то сыпалось, скрипело, трещало. Это с непостижимой быстротой рассыхались полы, двери и окна, обваливалась штукатурка со стен.

Пронзительный осенний ветер стал навистывать через щели свою нахальную песню: «Вы-ы-село!»

И вот уже среди бела дня на глазах потрясённых жильцов мягко осела печь, потянув за собой стену, которая противно крикнула и на добрых десять сантиметров отделилась от потолка. Вслед за печью с неприличным звуком покосился тамбур, прилепленный к двери, обнаруживая явное намерение окончательно завалиться.

В самый разгар этих неприятностей Василий Иванович Юшко и его соседи получили от начальника строительного участка однотипные аккуратно запечатанные конверты.

— Не иначе, как товарищ Воронцов вторично и письменно поздравляет нас с новосельем, — сказали знатные машинисты, распечатывая послания. — Товарищ Воронцов — человек обходительный, и притом... Караул! Что такое?!

Нет, это были не поздравления. Это был прозаический бухгалтерский счёт за «дополнительные работы» по строительству погребов, заборов, уборных и прочих маловажных деталей, не предусмотренных министерским проектом. Злосчастным новосёлам надлежало вынуть из кармана и уплатить за все эти прелести 8 тысяч рублей.

...Если вам приведётся сейчас по знакомству заночевать у Василия Ивановича Юшко или у кого-нибудь из его соседей, вы долго не сможете уснуть. Сквозь шорох и шлёпанье осыпающейся штукатурки, сквозь посвист холодного ветра, гуляющего по комнате, до вас всю ночь будет доноситься сердитое, неясное бормотанье. Это знатный машинист в тяжёлом, беспокойном сне поминает недобрым словом участковых строителей и министерских горе-проектантов.

А. ПАНИЧЕВ

г. Красноярск.

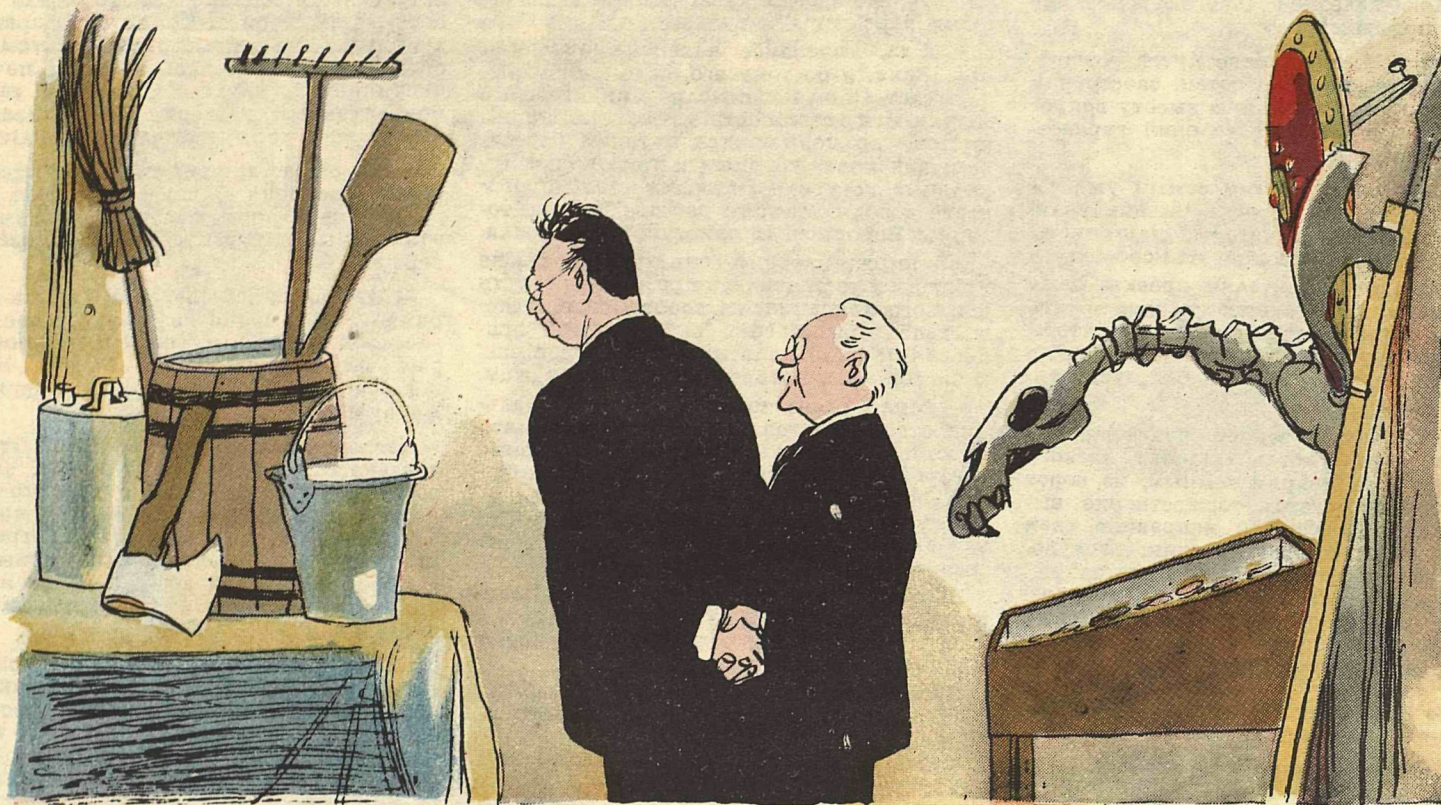
Рис. Г. ВАЛЬКА

ОГРАНИЧЕННАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

— Вчера я купил у вас носки, а пятки уже порвались.

— Мы, гражданин, только за носки отвечаем, а не за пятки.

— Почему у вас в краеведческом музее выставлены такие обыкновенные вещи?

— А они в нашем крае, видите ли, стали музейной редкостью.

НЕРВЫ И СВИНЬИ

Ночь. Как и полагается ночью, санаторные больные мирно спят. Вдруг нестерпимый, нечеловеческий вопль сотрясает воздух.

Что это за вопль? Директор управления санаториями под Ташкентом Воронов рядом с корпусом для нервных больных построил свинарник. Свиной часто режут, и они, естественно, кричат.

За месяц такого лечения даже здорового футболиста можно сделать неврастеником. Нет, право, тов. Воронов, это — свинство. У вас-то, небось, нервы крепкие, но пусть хоть эти строки вас взволнуют!

БОЕВАЯ КОМАНДА

Многие работники физкультурного движения при организации новых команд часто встают в тупик: то подходящих людей нет, то ещё что-нибудь мешает. Поэтому мы и решили поделиться с читателем методом товарища Митенева, заведующего Бударинским районным отделом физкультуры и спорта Сталинградской области.

Недавно в район поступила партия женских спортивных костюмов. Костюмы надо было выдать какой-нибудь женской команде. Легко сказать, но как это сделать, если в районе нет ни одной женской команды? Однако Митенев, как настоящий вожак физкультурни-

ков, не теряется ни при каких обстоятельствах. И на этот раз он с честью вышел из трудного положения. Команда была организована в тот же день.

В неё вошли: жена председателя райисполкома, жена секретаря райисполкома, заведующая общим отделом райисполкома, жена директора МТС и ещё ряд жён руководящих работников района. Организуя эту боевую команду, товарищ Митенев решил пренебречь возрастом будущих спортсменок и включил в состав

лыжниц, кроме жён, ещё двух ответственных тёщ и одну бабушку.

В связи с ожидающимся новым получением костюмов команда расширяется.

АХ, ТУМАНЫ МОИ, РАСТУМАНЫ...

Зятя ждали в гости. Зять летел на самолёте. Самолёт покружился, покружился над деревней и, не приземлившись, полетел обратно. Зять успел только сбросить вымпел с запиской:

«Не можем сесть: туман».

Пришлось срочно лететь обратно и пересаживаться на автомобиль. Автомобиль — это, конечно, не тот шик. На автомобилях нынче многие ездят, а вот самолёт, о котором идёт речь, предназначен только для полётов по срочному заданию областных организаций.

Так и не пришлось заведующему Саратовским областным управлением сельского хозяйства товарищу Полякову удивить родню современной авиационной техникой и своим высоким служебным положением.

А всё из-за тумана.

ТАНЦЫ В БОТАХ

Странные танцующие фигуры можно наблюдать в городе Щербакове, во Дворце культуры: здесь, оказывается, принято танцевать в ботах и калошах, укутавшись в шарфы и кашне, спрятав руки в перчатки.

И это не потому, что во Дворце культуры не топят! Наоборот, в клубе жарко и даже душно. А всё дело в том, что во дворце у вешалки висит объявление: «За вещи, оставленные в карманах пальто, гардероб не отвечает». Что же касается бот и калош, то их нужно сдавать на вешалку обязательно в сумках или кошолках, иначе за их сохранность также не отвечают.

Интересно: а за культуру во Дворце культуры кто-нибудь вообще отвечает?

НЕВЕРОЯТНО, НО ФАКТ

НА «ЗАЙЦЕВ»... С МАЗУТОМ

Администрация Центрального парка культуры и отдыха г. Ашхабада обила мазутом красивый забор парка, чтобы через него не лазили безбилетники.

Отныне город Ашхабад
Всего опасней для ребят:
Там заготовлены при парке
Для «зайцев» страшные припарки —
Мазутом, не щадя затрат,
Забор измазал Ашхабад.

Теперь попробуй, перелезь —
Уйдёшь домой в мазуте весь.
Ещё нам кажется резонным
Поставить мины по газонам,
Плакатик: «Не топчи траву,
Сирот оставишь и вдову!»
В дверях полёт мечты крылатой!
Встань, контролёр, с ручной гранатой.
А тех, кто чудом уцелеет,
Директор пушкой облеет...
Придётся, видно, брать билет,
Не то помрёшь во цвете лет.

А. РАСКИН

Дорогой Крокодил!

Если пожелаешь зарисовать несколько интересных натюрмортов, сходи в сад имени Баумана на танцевальную площадку.

Ты удивляешься: какие такие натюрморты с танцующими людьми? А ты не задавай праздных вопросов: в саду имени Баумана свалена капуста. Когда-то это была замечательная, свежая капуста, а сейчас она вся замёрзла. Вот тебе и натюрморт. Остальные же натюрморты заседают в кабинетах овощаготовителей Бауманского района и бесстрастно взирают на гибель капусты.

В. ОРЛОВ,
подполковник.

г. Москва.

Уважаемый Крокодил!

Руководители рудника Берикюла очень высоко ценят людей, получивших специальное образование. Скажем, начальнику угольной шахты Кураксину понадобился человек для развозки топлива по квартирам сотрудников. Кто может занять этот ответственный пост? На это место назначен бывший воспитанник берикюльской школы ФЗО плотник 3-го разряда Берёзин. Понадобился конюх. Кто лучше других может ухаживать за лошадьми? Опять-таки

бурильщик, окончивший ту же школу. По этому же принципу подобраны кадры для перевозки воды и т. д.

Из вышеуказанного явствует, что пора наконец поставить вопрос о переименовании берикюльской школы ФЗО. Думаю, что её следует назвать школой ПОБНА (по обслуживанию бытовых нужд администрации).

Нет возражений?

С. ТЕЛЕПОВ,

пом. директора Берикюльской школы ФЗО

Тисульский район,
Кемеровской области.

Дорогой Крокодил!

Спешим сообщить, что в нашем посёлке действительно имеется клуб металлургов. Но на вечера в этот клуб мы тебя, прости, не приглашаем. Не больно уж весёлые пошли там концерты: ни песен тебе, ни танцев... В нашем клубе временно разместился суд. Но временные наши жильцы, как гвоздь в стенку: вошли хорошо, а обратно никак не вытянешь.

Обращались к прокурору тов. Богатову, а он в ответ: «Любой комиссии, хоть из самой Москвы, не послушаю. А будете надоедать с выселением суда из клуба, привлечём к ответственности за нарушение тишины и порядка. Мигом подберём статью. Благо на дверях клуба сохранилась надпись «Добро пожаловать!»

Выручай, друг! А то что ж получается: на суд и суда нет?

К. ПАНОВ,
директор клуба

пос. В. Синячиха,
Свердловской области.

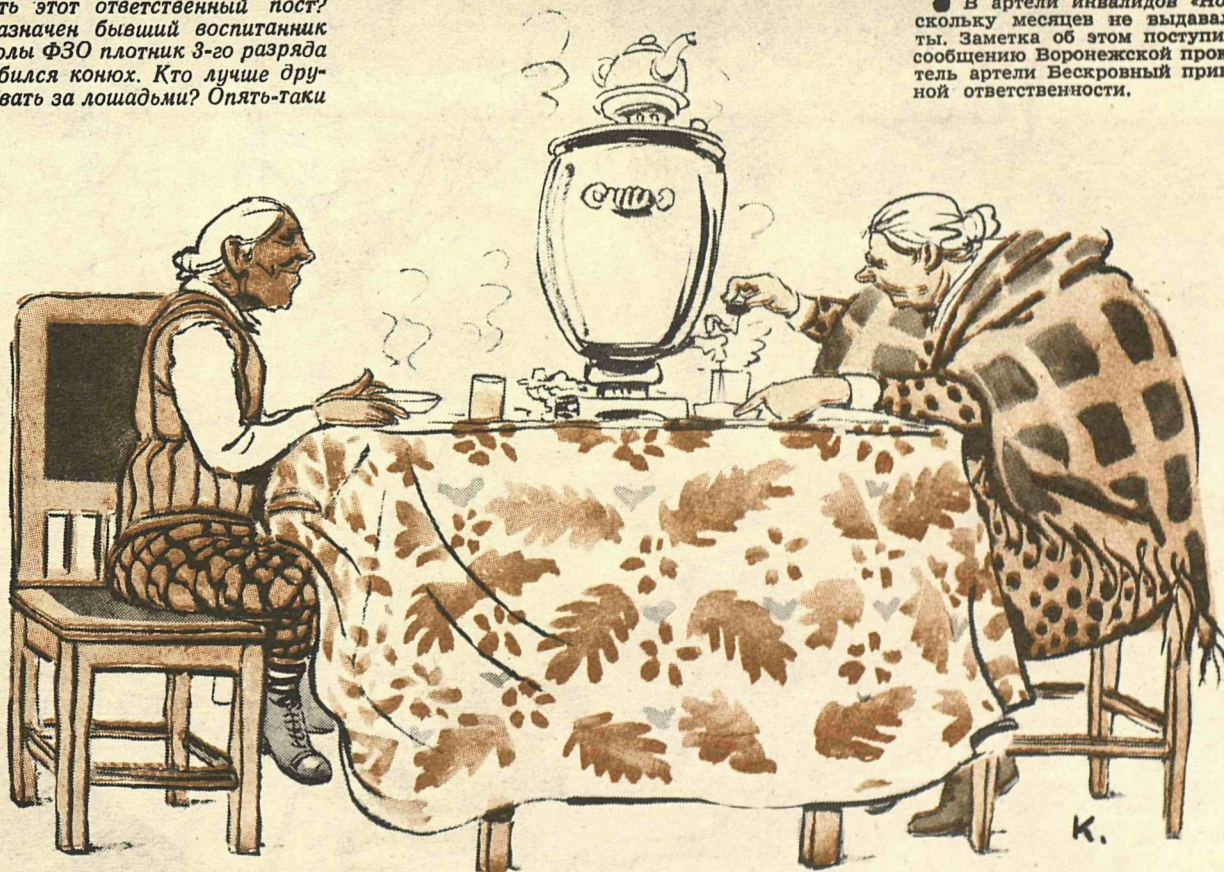

Рис. А. КАНЕВСКОГО

— У меня все дети выросли: Миша — полковник, Витя — агроном, один Петенька — драматург малых форм и что-то плохо растёт.

Товарищ Крокодил!

Как известно, климат в Саранске не относится к разряду субтропических. Об этой детали случайно забыл директор местного завода тов. Эльтерман. Естественно, что он забыл также подготовить своё предприятие к работе в зимних условиях.

К счастью, в Москве нашлись люди, которые напомнили директору, что нельзя быть рассеянным. Напоминание подействовало. Директор в письменной форме предлагает главному инженеру «пробить брешь в наших отставаниях». Главный инженер, тоже в письменной форме, запрашивает главного механика Свербеева: «Когда же кончится это безобразие?» Свербеев, разумеется, тоже в письменной форме, извещает главного инженера: «При таких безобразиях я с вами работать больше не смогу».

Интимная переписка продолжается, а завод к зиме всё же не готов. В общем сплошное безобразие.

А. АКИМОВ

Саранск, Мордовской АССР.

КРОКОДИЛ ПОМОГ

● Читатель тов. Игаев сообщил Крокодилу о том, что Дом культуры Вулунгурского района (Узбекская ССР) превращён в коммерческое предприятие. Письмо тов. Игаева подтвердилось. За безответственное отношение к культурному обслуживанию трудящихся заведующий Домом культуры снят с работы.

● На врачебном участке ст. Фастовецкой (Краснодарского края) широко практиковалась натуроплата продуктами за медицинскую помощь населению. По письму читателя Крокодила заведующий врачебным участком снят с работы.

● В артели инвалидов «Новая жизнь» по несколько месяцев не выдавали заработной платы. Заметка об этом поступила в Крокодил. По сообщению Воронежской прокуратуры, председатель артели Бескровный привлекается к уголовной ответственности.

Редактор — Г. РЫКЛИН. Редакционная коллегия: Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, И. СОКОЛОВ), С. ШНЕЦОВ.

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 20 коп. в месяц.

Изд-во «Правда»

Москва.

Изд. № 801.

Подп. к печати 15/XI 1947 г.

Статформат 72×105 см. Печ. л. 1½.

Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000.

А — 11450.

Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Тираж 150 000 экз. Заказ № 3150.

98 24 НОЯ 1947

СРЕДИ ШТАТНЫХ КЛЕВЕТНИКОВ

8803 ж

Рис. Л. БРОДАТЫ

- Напишите, Джек, статью о происках большевиков.
- Но у меня нет фактов.
- Ну, и что ж! У нас ведь свобода печати.